

ОЛЬГА НАБОКИНА
АЛЕКСАНДР НОСКОВ

ПУТИ

И ОКРЕСТНОСТИ

ИЗ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ
ЛУЖСКОГО
РАЙОНА

**Ольга В. Набокина
Александр Валиерианович Носков
Луга и окрестности. Из
истории населенных
мест Лужского района
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9814359

*О. Набокина. А. Носков. Луга и окрестности. Из истории населенных
мест Лужского района: ЗАО «Издательство Центрполиграф»; Москва
– Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-227-05553-8*

Аннотация

Великая миссия православной церкви – усиливать идею державности в политическом сознании народа, способствовать целям его единения. Храмы – воплощение вековых традиций. Многие из них представляют собой уникальные памятники архитектуры и искусства. Необходимость издания вызвана возросшим интересом к истории края. Памятуя о том, что церкви и часовни являются объектами, неразрывно связанными с историей конкретных населенных мест, авторы, сохраняя тему храмового зодчества как основную, путеводную,

включили в книгу дополнительную информацию по широкому спектру краеведческих вопросов. Храмы приводятся по местам их нахождения, взятым в алфавитном порядке. Сведения о ряде памятников представлены в виде объемных глав, рассказывающих о лицах, событиях, местных примечательностях, имеющих отношение либо к самому храму, либо к месту его нахождения. Всего учтено более 250 церквей и часовен. Книга рассчитана на интерес к ней не только лужан, но и всех, кому интересна тема достопримечательностей Ленинградской области, в надежде привлечь широкое внимание к вопросам изучения, сохранения и восстановления историко-культурного наследия региона, представляющего собой естественно-историческое окружение Санкт-Петербурга.

Содержание

Предисловие	6
Этапы истории	13
По местам лужских храмов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Ольга Набокина
Александр Носков
Луга и окрестности. Из
истории населенных
мест Лужского района**

© Набокина О. В., Носков А. В., 2015

© ООО «РТ-СПб», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Предисловие

Общества, где не ценят традиции, пренебрегают своим прошлым, никогда не являются долговечными. В лучшем случае их распад приводит к обретению заново когда-то отброшенного исторического наследия.

Великая миссия православной церкви состоит в том, что она усиливает идею державности в политическом сознании народа, способствует целям его единения. Храмы – воплощение вековых традиций. Они связаны с празднично-обрядовой, этнографически наиболее яркой стороной жизни населения. Многие из них представляют собой уникальные памятники архитектуры и искусства. Вряд ли кто станет отрицать художественную значимость храмового зодчества для облика исторических городов и национальных ландшафтов. Это относится и к скромным сельским часовням, виднеющимся среди окружающих построек или поставленным в стороне от них, где-либо в потаенных святостью отмеченных местах.

Сельские храмы – отдельная составляющая нашей культуры. Когда-то писатель Владимир Солоухин сказал по этому поводу: «Церковь, пожалуй, единственное в сельской местности, что осуществляло связь времен... Мы в деревне дальше прадеда ничего не помним и ничего не храним. В церкви же все предметы прошли сквозь века... Здесь – связь столе-

тий».

Храмы как живое напоминание о событиях прошлого справедливо являются центром сосредоточения историко-краеведческих интересов, что во многом определило выбор темы и основную направленность настоящей книги.

Актуальность темы обусловлена еще одним моментом. Ушли в прошлое времена воинствующего атеизма, военных невзгод, хрущевских притеснений церкви с их разрушительными последствиями. С начала 1990-х гг. религиозным общинам последовательно передаются храмы, изъятые за годы советской власти. Стоит ли говорить о том, как выглядят многие из них. Чтобы привести их в надлежащий вид, необходимы значительные финансовые средства. Здесь многое зависит от экономического состояния конкретных регионов и муниципальных образований, приоритетов, которых придерживаются в своей деятельности местные власти, общественной инициативы. В этом убеждают примеры из современной жизни Ленинградской области: возрождение историко-культурного комплекса Старой Ладogi – первой столицы Рюриковой Руси, Успенского монастыря в Тихвине, Троицко-Зеленецкого в Волховском, Александрo-Свирского в Лoдейнопольском, активное восстановление храмов в Тосненском, Гатчинском, Ломоносовском и других районах. Всего в Ленинградской области насчитывается свыше 75 православных храмов, возвращенных церкви с 1989 г., по которым завершены, ведутся или идет подготовка к ремонтно-восста-

новительным работам. Растет число вновь построенных или строящихся храмов.

В этой связи уже не так безнадежно воспринимаются слова Валентина Пикуля в одной из его миниатюр: «Сколько лет я читаю только о разрушениях, но я, пессимист по натуре, уже не верю в то, что чудесные памятники нашего былого можно возродить из руин и праха. Нам, русским, теперь осталось последнее – только вспоминать».

Память, если она отвечает потребностям народа в знаниях о богатстве его исторической культуры, является важнейшей побудительной силой к сохранению историко-культурных ценностей. Вопрос лишь в том, какой объем исторической памяти может быть востребован обществом и, тем более, использован им для решения культурных задач.

Судьба сельских памятников церковного зодчества во многом зависит от того, каким будет будущее самой русской деревни. Давайте задумаемся в следующие цифры. В 1917 г. на территории современного Лужского района насчитывалось 64 действующих православных храма, 7 из которых находились в самом городе Луга, 2 – в Черемнецком монастыре, 51 – в сельских приходах. Численность сельского населения на данной территории составляла 120–125 тысяч человек. Следовательно, на один приходской храм приходилось в среднем 2,5 тысячи жителей.

Сегодня в районе насчитывается 40–42 тысячи сельских жителей, то есть в три раза меньше, чем на 1917 г. По доре-

волюционным меркам это могло бы стать основой формирования 16 церковных приходов. Тоже внушительная цифра, особенно если учесть, что до 1990 г. в районе, включая Лугу, было всего лишь 6 действующих церквей.

Но количество населения еще не все. Существование прихода тесно связано с демографией и экономическим благополучием прихожан. В этой связи жизнь современной деревни, не только Лужского, но и многих районов российского Северо-Запада вызывает тревожное чувство. Снова обратимся к исторической статистике.

По нашим подсчетам, до революции средняя крестьянская семья в Лужском уезде состояла из 5 человек. Следовательно, на территории района к 1917 г. существовало 24–25 тысяч крестьянских хозяйств. Из них бедняцких было не более 30–31 %. Остальные хозяйства считались среднего достатка и зажиточными. Порядка одной тысячи семей относились к наиболее богатым. Будущее деревень обеспечивалось демографической ситуацией. Третью часть сельских жителей составляли дети младшего и подросткового возрастов. Таким образом, церковные приходы имели прочную демографическую и экономическую базу. Несмотря на то что в разных местах религиозное чувство населения проявлялось то в большей, то в меньшей мере, жертвования собирались на нужды самого храма, на организацию церковно-приходских школ, благотворительные мероприятия и т. д. Как правило, значительную помощь в этом оказывали местные по-

мещики, промышленники, представители торгового капитала.

К сожалению, мы не можем привести точных данных, касающихся социально-демографической ситуации современного лужского села, разделения крестьянских семей по уровню доходов, имущественному достатку, динамике происходящих здесь изменений. Но в данном случае это не столь уж важно. Ясно одно: классическая русская деревня ушла в прошлое. Мощный источник культуры русского народного быта практически перестал существовать. Наемный работник, сменивший прежнего крестьянина-собственника, обезличил социальный облик села, его некогда яркую самобытность. Самое печальное, что общество с этим почти смирилось.

Авторитет традиций в России был высоким всегда. Особенно в годы испытаний. Хотя бы поэтому необходимо как можно полнее, всесторонней изучать наше историческое прошлое, «вспоминать», выражаясь языком В. Пикюля.

В данной книге собраны сведения о храмах Лужского района Ленинградской области. Необходимость в такой книге вызвана возросшим интересом к истории края при ощутимой скудости имеющейся базы данных. Памятуя о том, что церкви и часовни являются объектами, неразрывно связанными с историей конкретных населенных мест, мы, сохраняя тему храмового зодчества как основную, путеводную, позволили себе включить в книгу дополнительную информацию

по широкому спектру краеведческих вопросов. Свою книгу мы видели в образе дерева с разветвленной кроной. Если ему обрубить ветви, то получится мало кому интересный столб. Здесь мы солидарны с Н. В. Мурашовой и Л. П. Мыслиной, авторами книжной серии о дворянских усадьбах Санкт-Петербургской губернии, где рассмотрение памятников усадебного зодчества и садово-паркового искусства подчинено целям комплексного изучения края.

Подобный подход был подсказан нам и десяти томными «Историко-статистическими сведениями по Санкт-Петербургской епархии», изданными в 1869–1885 гг., где, кроме данных о самих храмах, встречаем обилие фактов, касающихся природы и истории отдельных уездов, прошлого населенных мест, обычаев жителей и т. д. Значит, нам было от чего оттолкнуться и на что ориентироваться. В книге мы сохранили структуру, характерную для справочной литературы. Храмы приводятся по местам их нахождения, взятым в алфавитном порядке. В скобках указаны названия волостей в соответствии с административно-территориальным делением района на 1 января 2006 г. В качестве образца мы приняли вышедший в 2000 г. церковно-исторический справочник «Земля Невская православная», в частности, это касается состава заглавных аннотаций к каждому памятнику. Содержание справок-очерков диктовалось материалом. Сведения о ряде памятников представлены в виде объемных глав, рассказывающих о лицах, событиях, местных примечатель-

ностях, имеющих отношение либо к самому храму, либо к месту его нахождения. В других случаях мы вынуждены были обходиться лишь ссылкой на источник, подтверждающий факт нахождения храма в определенном месте на определенное время.

Всего нами учтено более 250 церквей и часовен. Книга рассчитана на интерес к ней не только лужан, но и всех, кто занимается достопримечательностями Ленинградской области, в надежде привлечь широкое внимание к вопросам изучения, сохранения и восстановления историко-культурного наследия региона, представляющего собой естественно-историческое окружение Санкт-Петербурга.

Выражаем глубокую благодарность доктору исторических наук зам. директора по научной работе музея-заповедника «Старая Ладога» А. А. Селину, сотрудникам Лужского краеведческого музея, лужской Межпоселенческой районной библиотеки, лужской Городской библиотеки, лужской Центральной детской библиотеки, В. Зобелю, А. Голубеву, Ю. В. Андрееву, А. И. Ковалеву, П. С. Полякову, А. Ивановой, В. Ратникову, коллегам по Лужскому обществу краеведов за помощь, оказанную в работе над этой книгой.

Этапы истории

Человек на территории современного Лужского района появился в среднем каменном веке – мезолите. Мезолитическая стоянка вблизи деревни Соколок (Рельская вол.) является самой древней из стоянок первобытного человека, обнаруженных в пределах Ленинградской области. В следующий исторический период – неолит – территория района была уже широко заселена. Неолитические стоянки обнаружены при озерах Меревском, Череменецком, Сяберском, а также на северном берегу р. Наплатинки в черте г. Луги. За многие столетия этнический состав населения Полужья неоднократно менялся. Археологами четко прослеживается обитание здесь с первых веков н. э. финно-угорских народностей, представленных так называемой культурой длинных курганов, имеющих характерную валообразную форму насыпей.

Несколько позже в окрестностях озера Ильмень появляются славяне, точнее, одна из западных славянских народностей, именуемая в летописях словенами. К IX в. славяне расселяются по всему пространству будущих новгородских владений, вступая в контакт с коренными жителями, формируя вместе с ними местные культурные традиции.

Пантеон финно-угорских племен состоял из божеств, или духов, связанных с огнем и другими природными стихиями, а также с конкретным местом среды обитания: рекой,

озером, рощей, возвышенностью, камнями, источниками. От аборигенов сакральное восприятие подобных объектов вполне могла быть заимствовано словенскими переселенцами, также язычниками, но с более развитыми мифологическими представлениями, включающими верование в высших богов. Сохранилось описание верований славян, сделанное неизвестным русским книжником XII в. Оно называется «Слово о том, как языческие народы поклонялись идолам и приносили им жертвы». Здесь говорится, что первоначально славяне «клали требы» (приносили жертвы) упырям и берегиням. Упыри – это вредоносные духи, оборотни, сродни вампирам. Славяне сжигали своих умерших, поэтому упырями могли быть только те, кто не был погребен по этому обряду. Берегини – это добрые божества, связанные с культом воды: рек, озер, источников.

Постепенно среди славян распространился культ высших божеств, ассоциировавшихся с земледелием и плодородием. Главным в сонме божеств новгородских словен и северо-западной Руси становится Велес, или Волос, – покровитель скотоводства, некогда связанный с поклонением змею. В противовес Велесу, культ которого поддерживался волхвами, в Киеве при Владимире Святославлевиче формируется пантеон богов во главе с Перуном. Характерный для западных славян культ Перуна был воспринят в Киеве в связи с созданием славянской государственности, прежде всего за счет развития дружинного, то есть высшего военного сосло-

вия.

Кроме Перуна, в киевский пантеон вошли: повелитель ветров – Стрибог, бог света и тепла – Дажьбог, бог Солнца – Хорс, бог благодатной влаги и урожая – Семаргл (Симаргл), единственное женское божество – Мокошь, олицетворявшее собой женское начало природы и домашнего хозяйства. На Северо-Западе вторым по значению или равным Велесу стал бог огня Сварог, или Радигост.

Не исключено, что многие из святилищ, устроенные в честь славянских языческих богов, располагались на местах прежних дославянских капищ и, в свою очередь, стали местами основания христианских погостов и храмов.

В 988 г. князь Владимир принимает христианство и повелевает крестить киевлян. Вслед за Киевом наступил черед Новгорода. В 990 г. митрополит Михаил крестит новгородцев, но в силу языческих традиций, а главное, как нам кажется, из-за неприятия киевского верховенства, новгородцы вскоре вернулись к дохристианским обрядам. С целью искоренения последних князь Владимир в 992 г. посылает посадником в Новгород своего воспитателя и воеводу Добрыню и тысяцкого Путяту. Княжеские посланцы приступили к уничтожению языческих идолов и насильственному крещению горожан, что привело к открытому протесту последних. Они еще хорошо помнили, как всего лишь десятилетие назад тот же Добрыня утверждал в Новгороде культ Перуна с установкой его идола в окружении негасимых костров.

Для подавления бунта Добрыня решился на поджог города, а Путята разбил вооруженные отряды горожан. «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем», – говорили по этому поводу новгородцы.

Христианизация новгородской сельской округи началась уже в следующем столетии, при сыне князя Владимира Ярославле Мудром, получившем новгородский престол в 1010 г.

Поспешность, с которой вводилось христианство во времена Владимира, может иметь одно важное оправдание. Князю наследовали его многочисленные сыновья, что сделало почти весь XI в. временем острых конфликтов, княжеских междоусобиц. Отдельные княжества, каждое со своим пантеоном языческих богов, были бы реальной альтернативой единой Руси. Останься Русь языческой, кто знает, состоялось бы вообще ее государственное объединение и если бы состоялось, то неизвестно, в каких границах. Укрепившееся в народном сознании православное христианство способствовало стиранию племенных различий внутри русского этноса. Единая вера помогла сложению единого народа, вопреки тенденции к княжескому сепаратизму.

Но язычество, сдав позиции, не исчезло вдруг и окончательно. В лужских деревнях, например, обычай устройства погребальных насыпей – курганов – прослеживается до середины – конца XIII в. Другой вид погребения – жальники, имеющие форму округлых или прямоугольных площадок, обложенных камнями, и также восходящие к обычаям воды,

сохраняется еще полтора – два столетия.

В сельской глубинке окраинного русского Северо-Запада почитание языческих божеств продолжалось почти до позднего средневековья. Так, в XIV в. появляется трактат, направленный против «крестьян, двоеверно живущих, верующе в Перуна, и Хорса, и в Мокошь, и в Сима и в Рьгла»... В крестьянской среде происходит отождествление некоторых богов языческого пантеона с христианскими святынями, являясь специфической стороной «народного православия». Например, языческое женское божество Мокошь сливается с образом Параскевы Пятницы, покровительницы целебных родников и святых колодцев. Общепринято считать отождествление в народном сознании Перуна с Ильей-пророком, Велеса – со св. Власием, весеннего бога плодородия Ярилы (Яровита) – со св. Георгием Победоносцем и т. д. Что касается неславянского населения, то процесс его христианизации растянулся по меньшей мере до XVII в. И это при том, что в 1227 г. уже была крещена Корела «мало не вся люди», а вслед за ней водское и ижорское население.

В 1535 г., затем вторично новгородский архиепископ Макарий по указу из Москвы посылал в Водскую пятину инок Илию «для искоренения кумирской прелести» у води и ижор. Местным племенам ставили в вину идолопоклонничество, выражавшееся в том, что они молились с арбуями (священниками-двоеверцами) «в своих скверных мольбищах деревьям и камням», умерших хоронили не у церквей на по-

гостах, а в лесах по курганам, младенцев до крещения называли языческими именами и т. д. Негодование архиепископа вызывал и внешний вид местных женщин: «Замужние жены и вдовы, старые и молодые бреют себе голову, и покров на голове и одежду на раменах [плечах] носят, подобную мертвечьим одеждам». Под началом Илии повсеместно шло разрушение языческих молищ, вырубка и сжигание священных рощ, уничтожение обожествляемых камней и одновременно крещение некрещеных. К таким же действиям обязывал духовные и мирские власти преемник Макария, архиепископ Феодосий, грамотой от 1548 г., но уже по отношению к языческой чуди.

Слившиеся с христианством языческие поверья в крестьянской среде приняли устойчивую обрядовую форму. Вот некоторые свидетельства, почерпнутые под Лугой в конце XIX в. в ходе этнографических наблюдений в Городенском Дмитриевском погосте, к которому относилась территория современной Заклинской волости с деревнями Турово, Смешино, Сырец, Вычелобок и др.

«В праздник Преображения Господня крестьяне, в видах прибыли, никому ничего не дают в долг, а напротив, стараются что-нибудь принести к себе из чужого в дом; в день Рождества Иоанна Предтечи женщины собирают лекарственные травы, а накануне ходят в баню и вплетают в веник цветок „Иван-да-Марья“, выпарившись, бросают веник с цветком в воду с приговорами, 23 апреля перед выгоном

скота обходят его с решетом, в котором находятся: образ Георгия, освященная верба, хлеб и яйца, все это отдается пастуху; в праздник Покрова непременно кормят скот в хлеве, хотя бы он пришел сытый с поля, – это для приплода. В великий четверг готовят четверговую соль как лекарство, приносят воду до восхода солнца и ею моются в предотвращение болезней; женщины собирают на свой двор щепки с чужого двора для успешного несения кур; с Пасхи до Вознесения многие не плюют за окно, у которого сидят, ради Спасителя, который „невидимо ходит по домам и улицам“. В дни перед свадьбою подруги невесты поют под окном ее песни, называемые „зарей“, родители, благословляя жениха к венцу, покрывают его шубою, и при каждом его поклоне в землю дружка ударяет его по шубе, говоря: „Во имя отца“, жених каждый раз отвечает: „Аминь“».

Насаждение благочестия требовало организационного структурирования. В церковно-административном отношении Древняя Русь делилась на епархии во главе с епископами, которые подчинялись митрополиту. Новгородская епархия, в состав которой входила территория будущего Лужского уезда, была образована в 992 г., после усмирения языческого бунта. Ее возглавил епископ, именовавшийся Велико-Новгородским и Псковским, а немногим позже – Новгородским и Великолукским.

В 1589 г., с возведением московского митрополита в патриархи, четыре епископа, в их числе и новгородский, полу-

чили сан митрополита.

В 1721 г. Петр I с целью усиления государственного влияния на церковь отменил патриаршество в России и учредил особую духовную коллегия – Святейший Правительствующий синод во главе с президентом. В 1723 г. Санкт-Петербург был отделен от Новгородской епархии и становится центром особой синодальной области. Самостоятельная Санкт-Петербургская епархия была создана в 1742 г.

В 1746 г. границы всех российских епархий были пересмотрены. Санкт-Петербургская епархия стала охватывать три губернии: С.-Петербургскую, Выборгскую и Ревельскую. Тогда же в состав С.-Петербургской епархии из Новгородской был передан Черемнецкий монастырь.

В 1781 г. Лужский и Гдовский уезды были отсоединены от Псковского наместничества и вошли в состав С.-Петербургской губернии.

В 1788 г. Святейшему синоду было указано «для удобнейшего управления границы Новгородской, С.-Петербургской и Московской епархии привести в соответствие с губернскими». Принцип соответствия административно-территориальных и епархиальных границ действует и в наше время.

В конце XVIII в. в административную систему Русской православной церкви были введены благочиния. Над монастырями и над церквами с их причтами устанавливается надзор благочинного помощника епископа. Подконтрольный ему благочиннический округ объединял от 10 до 30

окрестных церквей.

До начала XX в. в Лужском уезде С.-Петербургской епархии существовало три благочиннических округа: 1-й округ охватывал церкви по правому берегу р. Луги, в бывшей Водской пятине; 2-й – церкви лужского левобережья до р. Плюсы; 3-й – церкви на территории Заплюсья. К 1915 г. в уезде значится уже четыре благочиннических округа, причем к 4-му округу отошла часть церквей 1-го и 2-го округов.

Лужский район получил ныне действующие границы при включении в него территорий Оредежского и части Осьминского районов, упраздненных соответственно в 1959 и 1961 гг. и в епархиальном отношении представляет единый Лужский благочинный округ.

Храмовое строительство сопровождало процесс христианизации края. Первые церкви, как правило, ставились на погостах, игравших роль центров административных округов, известия о которых восходят ко временам св. княгини Ольги. В Лаврентьевской летописи 947 г. говорится: «Иде Вольга Новгороду и устави по Мсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани». Это также и наиболее раннее упоминание о реке Луге. Лужане могут считать княгиню Ольгу чуть ли не своей землячкой. В летописи сказано, что князь Игорь взял жену из Плескова (так в древности назывался Псков). Родиной св. Ольги считается село Выбутский погост, находившееся в 13 км к югу от исторического Пскова. Целью похода Ольги к Новгороду было подчинение здешнего населе-

ния княжеской власти. Установленные Ольгой погосты представляли собой места, где происходило взимание дани и вершились судебные дела. К каждому погосту приписывалось определенное число окрестных поселений. Если верить летописи, то ко времени похода Ольги по Луге сеть погостов уже была сформирована. С принятием христианства погосты становятся центрами церковных приходов и принимают вид села с церковью и кладбищем, домами для проживания священника и причта. К концу XV в. окончательно сложилось разделение обширных новгородских земель на пять крупных административно-хозяйственных областей-пятин. Лужское правобережье относилось к Водской, левобережье – к Шелонской пятинам. Погосты являлись структурными единицами пятин. На территории Лужского района находились погосты: Шелонской пятины – Сумерский (центр – д. Самро Осьминской вол.), Бельский (центр – д. Белая Горка Волошовской вол.), Дремянцкий (центр – д. Новоселье Володарской вол.), Петровский (центр – д. Петровская Горка Скребловской вол.), северная часть Которского погоста (центр – с. Которск Псковской обл.); Водской пятины – Бутковский Никольский погост (центр – д. Бутково Ям-Тесовской вол.), Спасский-на-Оредежи (центр – пос. Ям-Тесово), Климентовский Тесовский (центр – д. Заполье Приозерной вол.), северо-восточная часть Городенского погоста (центр – с. Городня Новгородской обл.).

До сих пор не найдено свидетельств о том, как выглядели

и строились первые церкви Новгородской округи, включая Полужье. В замечательном памятнике древнерусской литературы – Изборнике, этой уникальной энциклопедии русского средневековья, составленном в 1073 г. для князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, находим лист с образцовым чертежом каменного храма и графической системой архитектурных пропорций.

В отличие от княжеских зодчих, плотники, рубившие деревянные сельские храмы, вряд ли пользовались образцовыми проектами, больше исходя из навыков народной архитектуры. Примером подобных построек может стать находящаяся на территории Старой Ладogi церковь во имя Димитрия Солунского, которая по виду напоминает простую крестьянскую избу, только увенчанную крестом и главкой. Несмотря на то что эта церковь построена в 1901 г., она повторяет формы своей древней предшественницы.

В 1136 г. новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславовича. С этого времени они стали сами приглашать к себе князей, которые должны были принимать условия, диктуемые вече. Так зародилась Новгородская вечевая республика, одной из опор которой был авторитет местной церковной власти. Напомним также, что новгородским землям удалось избежать губельных княжеских междоусобиц, что создало благоприятные условия для оживленной строительной деятельности. К XV в. церкви имелись во всех сельских округах, причем не только на погостах, но и в некоторых усадьбах.

Последовательная история церковной жизни на территории Лужского района и вообще на большинстве бывших новгородских земель начинается лишь с полной ликвидацией независимости Новгорода при Иване III Васильевиче и присоединением новгородских земель к Московскому княжеству. 10 января 1478 г. архиепископ и новгородские послы подписали великому князю Московскому крестоцеловальную запись: «...вечевому колоколу в отчине нашей в Новгороде не быть, посаднику не быть, а государство нам свое держать... и великим князем быть в своей отчине, волостям быть, селам быть, как у нас в Низовской земле». По административному правлению и порядкам Новгород стал равен любой другой области Московского государства. Это означало отмену главной особенности аграрного строя вечевой республики – подчинения погостов городской общине. Отныне управление погостами переходит к лицам, назначаемым из Москвы. Если раньше городская община Новгорода была свободна от уплаты податей и жила фактически за счет плативших их крестьян (населения погостов), то отныне горожане стали таким же податным сословием, как и крестьяне. Размер крестьянских податей, введенных при Иване III, не был слишком обременительным, составляя $1/60$, как бы мы сейчас сказали, «вмененного дохода» (в год полугривна на доход в 30 гривен). В массовом порядке осуществляется конфискация земель и передача их в поместья переведенным из Москвы служилым людям великого князя – помещикам, ко-

которые будут получать доходы с крестьян своего поместья без права распоряжаться землями и увеличивать повинности.

Именно с этого момента начинается составление новгородских писцовых книг, первых русских земельных кадастров, содержащих сведения для целей податного обложения. Наиболее ранней из них является Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1498 г. За ней следует книга Водской пятины (1500 г.). Писцовые книги являются прекрасным историко-статистическим материалом, в том числе и по церковному состоянию погостов. Здесь мы встречаем и первые достоверные сведения о храмах Полужья.

К 1500 г. на территории современного района насчитывалось 16 церквей. Писцовые книги перечисляют, какие села, деревни, починки и выставки входили в приход каждой из них. Здесь мы встречаем первые упоминания названий большинства ныне существующих поселений.

Показателем значительного благоустройства христианско-религиозной жизни Полужья к началу XVI в. является появление в крае первых монастырей, рост числа приходских церквей.

Первыми монастырями на территории района были: 1) Никольский Клинский (окраина д. Усадище Приозерной вол.); 2) Успенский Тесовский женский (у д. Бережок Приозерной вол.); 3) Чашинский скит (у ст. Новинка); 4) Троицкий Верхутинский (на берегу оз. Поддубского); 5) Черемецкий Иоанно-Богословский мужской (западный берег Че-

ременецкого оз.).

Церковные приходы, вероятно, вначале были тождественны погостам. С появлением в границах одного погоста нескольких церквей к каждой церкви стал приписываться куст ближайших поселений, образуя отдельные приходы. В числе первых приходские церкви появились в селах: Перечицы (Георгиевская), Белое (Рождества Богородицы), Озерцы (Архангела Михаила), Коростыни, к югу от Тесова-4 (Никольская).

Примечательно сообщение о церкви в селце Хабалина Гора (совр. д. Хабалинка Каменской вол.): «В нем [селце] церковь Покров Пречистые да двор большой с садом, а в нем князь Иван Михайлович Гагарин, да двор человека его Парфенка, да двор попа Степана». Большим двором в писцовых книгах назывались помещичьи усадьбы. Не исключено, что Хабалина Гора дает нам редкий для Полужья того времени пример устройство храма при господской усадьбе, силами местного помещика.

Все церкви, как на погостах, так и приходские, были деревянными. То же было и в монастырях, включая Черемнецкий, где к началу XV в. находился деревянный храм во имя Св. ап. Иоанна Богослова.

Наиболее раннее (если не единственное) известное изображение древней церкви на территории района представлено на гравюре с видом Тесовского погоста, выполненной секретарем голландского посольства Антонисом Хутеерисом.

Гравюра датируется 1611 г. и относится к периоду шведской оккупации края 1611–1617 гг. На гравюре показан правый берег р. Тесовой с высоким обрывистым мысом. Вдоль его бровки расположены постройки, где четко видна группа из трех строений, стоящих вплотную друг к другу. За ними высится сторожевая (набатная) башня. Правее от них можно рассмотреть деревянную Климентовскую церковь, представляющую собой однорядное сочетание трех срубов (клетей): большого центрального – для самой церкви, западного – для притвора (сений), на гравюре Хутеериса обращенного в сторону зрителя, и сруба алтарной части (апсиды), который угадывается с противоположной, восточной, стороны храма. Каждый сруб перекрыт двускатной кровлей. На коньке кровли центрального объема установлены главка и крест. Скорее всего, Хутеерис изобразил церковь, которая упомянута в Писцовой книге Водской пятины 1500 г.

К памятникам древнерусской христианской культуры следует отнести почитаемые каменные кресты, высеченные из гранита, известняка или песчаника. Их можно встретить в разных местах – на древних могильниках, на территории отдельных деревень. Начало появления таких крестов относят к XII в. На Новгородских землях их широкое распространение приходится на XIV в. Несколько десятилетий назад в районе насчитывалось около 30 мест с сохранившимися каменными крестами, сейчас они имеются в 12 или 13 пунктах, включая изображения креста, выбитые на каменных плитах.

Обычно каменные кресты делят на три группы: намогильные, памятные и поклонные. В двух последних случаях они сближаются по значению с часовнями, поставленными в мемориальных целях, входят в число деревенских святынь, сродни почитаемым источникам, камням или деревьям. Когда-то местные крестьяне зажигали перед ними свечи, обращались к ним с просьбами. Матери, потерявшие детей, одевали на эти кресты рубашки умерших. Кресты украшали полотенцами, лоскутными ковриками. Считалось, что отдельные кресты обладают чудодейственными свойствами, например крест в с. Щуполголово Приозерной вол. Местные старожилы говорят, что надо подойти к нему, положить «денежку», дать обещание вечно приходить сюда, помнить о нем, чтобы он помог (А. А. Панченко). Подобные верования характерны для народного православия с его стихийным мистицизмом в отношении к природным явлениям.

Первая половина XVI в., по крайней мере до 1558 г. (начала Ливонской войны), была относительно спокойным периодом для Северо-Западных русских земель, что способствовало здесь росту населения, активной строительной деятельности. Ярким свидетельством тому может служить большое количество церквей, появившихся в 1500–1560-х гг. на территории Лужского района – около 25 новых храмов, из них 20 или 21 приходских. Добавим сюда 13 церквей, построенных в предыдущее время, и получим цифру, вполне сопоставимую с аналогичным показателем на вторую половину

ХІХ в.

Первые каменные церкви на территории района возникли также в XVI в. Это – церковь во имя Св. Иоанна Богослова в Черемнецком монастыре и церковь Рождества Иоанна Предтечи в д. Каменные Поляны (ныне – окраина д. Мошковы Поляны Тесовской вол.).

В эти же годы на территории района возникло четыре новых монастыря. Все они располагались на важнейших военно-стратегических коммуникациях – литовском и ливонском направлениях. На первом из них разместились Спаский Сяберский и Георгиевский Городецкий, на втором, в дополнение к уже имевшимся обителям, – Ильинский Черемненский (вблизи совр. пос. Чолово) и севернее него на р. Зверинке – Троице-Сергиев-Зверинский мужской монастырь. Некоторые источники называют еще один монастырь – Покрова Богородицы, который якобы существовал в то время на территории современной деревни Ящера Мшинской вол.

С 1570-х годов в крае происходит упадок строительного процесса. Началом тому стало жесточайшее опустошение края Иваном Грозным в 1570–1571 гг., во время его расправы с новгородцами за их якобы готовность передать Новгород и Псков польскому королю. Пока сам Иван Грозный свирепствовал в Новгороде, его опричники творили «правеж» на землях новгородских пятин, скатываясь до самого настоящего разбоя. Усиление податного гнета, опричный террор,

моровое поветрие начала 1570-х гг., мобилизация подвод и продовольствия для нужд войск в годы Ливонской войны, неудачный ход военных действий – привели к обезлюдению сельских погостов. Численность жителей в той же Водской пятине за 15 лет с 1570 г. сократилась на 40–50 %. Трагическую картину продолжили бедствия Смутного времени, когда в 1611 г. Новгород и Полужье фактически захватили шведы.

Вот как показаны события периода Ливонской войны и Смутного времени в историческом обзоре церковной жизни бывшего Лужского уезда, опубликованном в 1880-х гг.: «Конец XVI и начало XVII веков были самым тяжелым временем для церкви, так как во время Ливонской войны и Шведского владычества жестокость неприятеля преимущественно обрушилась на св. храмы и обители... Большая часть храмов в погостах, селах и монастырях были ограблены или разрушены и позжены; духовенство и иноки избиты или ограблены и разогнаны; целые селения опустошены, а все это сделали – „литовские люди“». Долгое время ограбленные храмы стояли «в пусе без пенья, а некоторые разрушенные церкви после того и совсем не восстанавлились». В числе невозобновленных храмов в очерке названы церкви в д. Озерцы, Хабалиной Горе, Новоселье (Будковского погоста). Правда, ряд современных историков относит эти факты исключительно к событиям Ливонской войны.

Окончание Смутного времени не принесло мира лужской

земле, которая стала территорией, пограничной со шведскими владениями, куда, согласно Столбовскому миру 1617 г., вошли не только Карелия, но и вся Ижорская земля. Граница проходила вдоль северной окраины современного Лужского района. Настоящая война между враждующими сторонами произошла в 1656–1657 гг. Она вписала немало героических эпизодов в ратную историю района. Например, разгром местными крестьянами шведского отряда, сжегшего д. Перечицы, успешную оборону «Лужского рубежа» от р. Саба до д. Вяз, сраженья на Ивангородской дороге.

Относительно спокойная жизнь в Полужье установилась после подписания Россией и Швецией в 1661 г. Кардисского мирного договора и окончательно упрочилась с освобождением русских земель на Балтике войсками Петра I.

Показательно, что за период с 1570-х по 1670-е гг. нам известна всего одна церковь, построенная на территории района. Это деревянная церковь Сретения Господня в Никольском погосте (д. Усадище Приозерной вол.) 1613 г. постройки.

Ближе к концу XVII в. можно заметить признаки явного возрождения храмового строительства. Возобновляется сожженная шведами Перечицкая церковь, основательно перестраиваются церкви в Югостицах и Торошковичах, строится приходской храм в селе Романщина. Согласно имеющимся свидетельствам, «все церкви эти... были деревянными, самой простой архитектуры, холодные и весьма просто убран-

ные внутри», то есть, судя по всему, своим внешним обликом заметно уступали храмам XVI–XVII вв., сохранившимся до наших дней в Тихвинском, Бокистогорском, Лодейнопольском, Подпорожском районах Ленинградской области. Исключением является Георгиевская церковь, построенная в селении Осьмина Гора (совр. пос. Осьмино), но время окончания ее строительства относится уже к началу XVIII в., совсем другому периоду в истории русской архитектуры.

С начала XVIII в. и до первых лет Советской власти храмовое зодчество составляло существенную часть строительной деятельности на территории района. Только в одном XVIII столетии было перестроено и впервые построено свыше 25 церквей. Буквально с начала века начинается строительство не только деревянных, но и каменных храмов. Образцом каменного зодчества петровского времени является церковь Преображения Господня Черемнецкого монастыря, освященная в 1707 г. Облик все большего количества церквей начинает соотноситься с архитектурным стилем времени. Правда, если церковь строилась по частному заказу, выбор ее архитектурного решения во многом зависел от вкуса заказчика, как правило, страдавшего известной долей консерватизма. Отсюда присутствие некоего анахронизма в стилистике многих провинциальных церквей не только XVIII в., но и более позднего времени. В Лужском районе этим налетом «живой старины» привлекают каменная, в стиле барокко Тихвинская церковь в д. Романщина (1772–

1776 гг.) и замечательный образец раннего классицизма – Успенская церковь в д. Смешино (1806 г.).

Процитируем интересный документ, освещающий на примере Лужского уезда изменения в порядке построения храмов в период XVIII – середины XIX вв. (до отмены крепостного права):

«В прежние годы построение и возобновление храмов отличалось патриархальной простотой. Получив разрешение на постройку в виде указа или „храмозданной грамоты“ прихожане строили по плану, составленному каким-либо домо-рощенным архитектором, а чаще всего, как бывало в селах, – по указаниям помещика. Так как церкви строились преимущественно деревянные, а лесу было много, то строились они и дешево, и скоро, но зато не отличались ни красотой, ни прочностью, ни удобствами. Частые случаи разрушения или порчи церквей были причиною издания разных узаконений по этому предмету: тут определялось – кто имеет право разрешить постройку церквей в столице, городах, селах, на какую сумму может давать разрешение консистория, на какую – архиерей или Синод. В то же время требовалось применяться к утвержденным властью планам и фасадам.

Средства на постройку и возобновление церквей давались жертвователями, помещиками, торговцами, брались из церковных сумм или собирались по сборным книгам (часто брались деньги в долг из духовно-учебных капиталов).

Крестьяне или участвовали в подвозе материала, или

жертвовали определенную сумму с ревизской души, процент с арендных статей. Когда же приведены были в известность и подведены были под строгую отчетность церковные суммы, тогда постройка и возобновление храмов стали производиться под ближайшим надзором власти. В прошениях о постройке церковей высчитывались средства на постройку и на дальнейшее обеспечение церковного здания, представлялись планы и проекты, указывалось расстояние постройки от жилых домов, сараев, особенно от питейных заведений и пр. По рассмотрении этих статей разрешалась постройка. После ревизии постройки храм освящал благочинный или игумен монастыря, или епископ. Архиерейское торжество освящения привлекало массы богомольцев. Обитатели многих сельских приходов живо помнят те торжества освящения храмов».

Большинство храмов в древности были посвящены святым, особенно чтимым в крестьянском среде: Николаю Чудотворцу, Георгию, Илии, Флору и Лавру, Параскеве Пятнице, Димитрию Солунскому, а также Покрову Богородицы. Попытка изменить эту традицию, переименовав главные престолы церковей при их перестройке в честь Господних и Богородичных праздников, была не принята народом. Как в старину, так и в начале XX в. самое большое количество престолов в церквях Лужского уезда были посвящены «крестьянскому» святому – Николаю Чудотворцу и Покрову Божией Матери. «Большая же часть часовен в деревнях посвя-

щены св. Николаю и пророку Илии».

С конца XVIII в. в уезде заметно увеличивается строительство каменных храмов. Особое значение для этого имел указ от 26 декабря 1800 г., которым запрещалось строить деревянные церкви вместо сгоревших. Уже в первой половине века число вновь построенных каменных церквей равнялось числу деревянных. С середины XIX в. до конца 1910-х гг. количество возведенных каменных храмов превосходит в 1,5 раза численность деревянных. В одной только Луге за это время было построено 4 каменные церкви (начиная с Воскресенского собора) и лишь одна деревянная – при отделении приюта принца Ольденбургского. В архитектуре церквей, построенных во второй половине XIX в., прослеживается влияние образцовых проектов ведущего зодчего николаевской эпохи К. Тона. В более поздних храмах представлены различные варианты так называемого национального стиля, с широким заимствованием форм и декоративного богатства древнерусской церковной архитектуры: московской, ярославской, новгородской. По принадлежности церкви делились на приходские и монастырские, домовые, включая усадебные, церкви при воинских частях, ведомственных учреждениях.

С превращением Луги в популярное дачное место усилилось культурное влияние столицы на уездную жизнь. С этого времени начинает расти список петербургских архитекторов, привлекаемых к проектированию лужских храмов. Вот

имена некоторых из них: А. И. Резанов, Н. В. Дмитриев, А. И. фон Гоген, М. А. Щурупов, Г. И. Карпов, А. П. Аплак-син, Н. Н. Никонов, И. А. Претро. Таким образом, храмовое зодчество становится одним из ключевых звеньев, соединяющих столицу и провинцию в единое культурное пространство.

В XIX – начале XX вв. на территории района образовалась густая сеть деревенских часовен. Все они были приписаны к тому или иному храму, играли традиционно важную роль в духовной и обрядово-праздничной жизни соответствующей деревни или близлежащих поселений. Часовня, какого бы внешнего вида она не была – простого или архитектурно примечательного, почти повсеместно имела особое значение для архитектуры села, пространственного восприятия деревенской застройки, красоты и выразительности ее ландшафтного расположения. Вообще трудно, почти невозможно представить русские национальные ландшафты без возвышающихся вдали церковных главков. К сожалению, послевоенным поколениям досталось любоваться уже не сельскими, а скорее совхозными ландшафтами с силосными и водонапорными башнями, словно сияющими заменить силуэты снесенных или полуразрушенных храмов.

Сейчас, когда государственная идеология лишена атеистической направленности, было бы уместно вспомнить об исторически присущем гражданском значении православных храмов. Они были не только местом молитвы и нази-

дательных проповедей. «Церковь, по тесной связи с обществом и по уважению народа к голосу пастырей, была всегда таким учреждением, через посредство которого правительство передавало важнейшие свои дела и распоряжения. Здесь объявлялось не только о тех делах гражданских, которые должны были сопровождаться молитвою или пастырским словом, но и о делах чисто светского характера. Например, объявлялось о начале и развитии губительных болезней, необходимые меры против них, врачебные и полицейские, здесь объявлялось о начале войны и мятежа, о взятии городов и крепостей». Конечно, в эпоху средств массовой коммуникации у правительства достаточно каналов для общения с народом. Но, наряду с теле- и радиоизвестиями, непосредственное обращение пастыря к пастве способно во многом упрочить устои гражданского общества.

Нельзя отрицать заслуг церкви и в деле народного образования. По инициативе духовенства при многих церквях устраивались духовные училища, где преимущественно учили обычным школьным дисциплинам. Спустя время духовные училища были заменены церковно-приходскими.

Наше искусство, в частности живопись художников-реалистов XIX в., в основном обличало «отрицательные» черты из жизни духовенства. Рискнем предположить, что начало XX в. способно дать совсем иной тип представителя сельского духовенства – пособника многим прогрессивным начинаниям в деревне. Приведем хотя бы такой пример, как образо-

вание сельских потребительских обществ в Лужском уезде. В отчетных сведениях благочинного церковей 4-го лужского уездного округа протоиерея Николая Тихомирова от 10 июня 1917 г. сказано: «По инициативе и непосредственном участии духовенства возникли по местам кооперативы (Модолитцы, Сяберо, Городец, Красные Горы, Малая Ящера, Медвежье) и до сих пор душою этого дела стоит духовенство».

Стоит напомнить, что по инициативе духовенства повсеместно создавались общества трезвости. Кому как не священнику, перед глазами которого проходила жизнь его паствы, приходилось быть выразителем всех ее бед и чаяний. Вот отрывок из отчета еще одного лужского уездного благочинного, протоиерея Михаила Быстрова, пытавшегося в том же 1917 г. довести до сведения властей о некоторых печальных итогах введения в России сухого закона: «Бывшие прежде при церквях общества трезвости прекратили свое существование, так как с закрытием винных лавок прекратилось пьянство и никто не является записываться в общества трезвости к священнику. Что же касается потребителей суррогатов вина, ханжи и других напитков, то они до сих пор являются глухими к пастырским наставлениям и, сознавая все мерзости и отвратности употребления напитков, с какою-то тупою решимостью набрасываются на них, не жалея платить по 5 р. и больше за бутылку!...».

Положение церкви и духовенства при советской власти, в целом, хорошо известно. Об этом красноречиво говорят ру-

ины взорванных храмов в пос. Каменка, на Вревском кладбище, полусгоревший остов шаловской церкви и др. Только за I квартал 1938 г. в районе было репрессировано как минимум 22 представителя духовенства.

В годы фашистской оккупации часть церквей на территории района вновь стала действующей, часть (по разным данным, от 4 до 6 храмов) взорваны или сожжены. Некоторые открытые в годы войны храмы закрыли в период так называемой хрущевской оттепели. Любопытная деталь, А. А. Панченко, петербургский историк и фольклорист, исследуя специфические черты народного христианства, в частности почитание священных камней, деревьев, родников, колодцев, сопутствующих им часовенок и крестов, пишет: «В послевоенные годы, когда количество действующих сельских храмов было очень невелико, для многих деревенских жителей местные святыни практически заменили церкви. Сюда ходили молиться; здесь старожилки, пользующиеся репутацией „божественных“, сами крестили детей». Панченко называет несколько таких мест и на территории Лужского района, выделяя среди них д. Сяберо, с почитаемым камнем «Пятница-матушка», у которого произошло явление иконы Божией Матери. На этом месте позже была поставлена часовня. Сколько таких мест оставила нам многовековая народная традиция? Не здесь ли проходит линия сближения таких, казалось бы, разных дисциплин – этнологии и экологии?

В последние годы в Лужском районе выросло число пра-

вославных приходов, издается газета «Православная Луга», действуют Воскресная школа, Общество трезвости. При поддержке администрации, благотворителей, усердии благочинного Лужского округа протоиерея Н. В. Денисенко, участии населения восстанавливается лужский Воскресенский собор. Одновременно ведутся работы по восстановлению и ремонту церквей в пос. Толмачево, д. Торошковицы, Городец, Сяберо, ряда сельских часовен. Есть и трудновосполнимые потери, например обрушившийся древний Георгиевский храм в пос. Осьмино.

Впрочем, даже погибнувшие памятники продолжают жить в истории края, работая на его будущее.

По местам лужских храмов

Александровка Межозерной вол. – часовня неустановленного наименования, деревянная, сер. XIX в., сохранилась в аварийном состоянии.

Деревня Александровка (до середины XIX в. имела второе название – Польская) находится к востоку от Киевского шоссе, вблизи оз. Врево, на дороге из д. Жглино, входила в приход Георгиевской, затем Успенской церкви с. Городец. На древнее происхождение деревни указывали две ныне не существующие курганные группы.

Часовня располагается недалеко от дороги, в непосредственной близости к деревенским постройкам, на возвышенности, в окружении старых деревьев. Отсюда открывается прекрасный вид на просторную равнину и линию дальнего леса.

Сама часовня является интересным образцом плотницкого искусства. Ладная, легкая, с главкой на четырехгранном основании под обшивку, со входом, оформленным открытой галереей, с заглубленным фронтоном в форме усеченного треугольника, в центре которого, по оси дверного проема, помещалась небольшая икона. Такой она предстает на рисунке лужского художника-любителя Александра Ивановича Ковалева, передавшего ее облик в начале 1990-х гг.

Александровка. Часовня не установленного наименования. Рисунок А. И. Ковалева. 1979 г.

Александровка. Часовня неустановленного наименования. 1987 г.

В первой половине XIX в. Александровка, как и соседние деревни Жглино, Ретюнь и др., принадлежала выходцу из Польши, генерал-майору путей сообщения Михаилу Павловичу Сакеру (1781–1855), инспектору невских плавучих мостов, автору проекта переустройства Екатерингофа, ближайшего дворцово-паркового пригорода С.-Петербурга, основанного Петром I в 1711 г. Усадьба М. П. Сакера «Ивановское» находилась неподалеку от Александровки, справа от дороги Городец – Конезерье. От нее сохранились фрагменты

паркового озеленения и хозяйственной постройки.

Еще одна усадьба Сакера находилась на р. Ящере, недалеко от Пехенца. При ней были пильный и стекольный заводы. По инициативе и при попечительстве М. П. Сакера была построена городецкая Успенская церковь. Возможно, что часовня в д. Александровка построена также при его содействии.

Безусловной примечательностью местности была башня оптического телеграфа, установленная за д. Жглино, вторая по счету после расположенной в г. Луге башни на Лангиной горе.

Линия оптического телеграфа С.-Петербург – Варшава прошла через Лугу в 1839 г. Она состояла из 149 башен высотой около 15 м, стоявших, по условиям предельной видимости, в 8 км друг от друга. Весь путь в 1200 км сигнал проходил за 15 минут, депеша в 40 знаков передавалась за 22 минуты.

Алтуфьев Берег – см. Скреблово.

Бараново Серебрянской вол. – часовня, деревянная, сер. XIX в., не сохранилась.

Деревня Бараново находится на 147-м км железной дороги Петербург – Псков, у озер Лукома и Барановское, входила в приход Казанской церкви с. Смерди. История поселения восходит к XI–XIII вв. Именно этим временем датирует-

ся древнее селище у юго-западной околицы деревни, название которой, возможно, происходит от фамилии неких послуживцев новгородских бояр. В 40-е гг. XIX в. деревня принадлежала некоему помещику Смирнову. Сегодня это одно из популярных мест дачного строительства в окрестностях г. Луги.

Как выглядела барановская часовня и ее местоположение не выяснено.

Примечательно, что окрестности деревни, в частности Барановский полустанок, связаны с жизнью и творчеством одного из лучших лирических поэтов конца XIX в. члена императорской фамилии, великого князя К. К. Романова, публиковавшегося под инициалами «К. Р.». Августейший поэт дважды бывал здесь в 1880-е гг., останавливаясь неподалеку, в с. Смердь. Название полустанка неоднократно встречается в его дневнике.

Бежаны Толмачевской вол. – часовня Свт. Николая Чудотворца, деревянная, сер. XIX в., не сохранилась.

Деревня Бежаны расположена при впадении р. Бежанки в р. Лугу, в 20 км ниже пос. Толмачево, входила в приход Знаменской церкви в с. Красные Горы. Кроме памяти Николая Чудотворца, в деревне праздновали Воздвижение Креста Господня. Крестный ход устраивали 14 (26) сентября, по случаю начала озимого посева. Старожилы до сих пор помнят, как жители уже в послевоенные годы приходили сюда

отмечать Ильинскую пятницу.

Бежаны. Часовня Свт. Николая Чудотворца. Рисунок
А. И. Ковалева

Часовня стояла на берегу р. Луги в окружении дубов и орешника. Она представляла собой прямоугольный сруб с папертью в виде террасы. Украшением часовни являлась выразительная пластика резьбы столбов террасы.

Деревня входила в ряд основанных в начале XX в. дачных поселков Живой Ручей, Железо, Натальино, Муравейно. Некоторые из них (Живой Ручей и Железо) сохранили

значение как базы отдыха. Интересно, что именно в Бежанах, при слиянии Бежанки и Луги, была найдена древнеримская монета Филиппа Аравитянина (III в. н. э.), что подтверждает древнее торговое значение р. Луги.

Д. Бежаны, как и территория уже не существующей д. Кемки, входит в число мест, связанных с партизанской славой Лужского р-на. Здесь в окрестных лесах все еще сохранились землянки партизанского лагеря, где погибла Герой Советского Союза уроженка лужской д. Стрешево партизанка Антонина (Тося) Петрова (1919–1941).

Недавно именем Антонины Петровой назван железнодорожный разъезд «112-й км» между станциями «Мшинская» и «Толмачево».

Обращаясь к православной традиции установки часовен в местах, отмеченных ратными подвигами во славу Отечества, было бы вполне уместно подумать о постройке часовни вблизи платформы Антонины Петровой в память героев-партизан, отдавших жизнь за Родину.

Белая Горка Волошовской вол. – церковь Св. вмч. Дмитрия Солунского Мироточивого, деревянная, первоначальная – XVI в., новая – 1760–1764 гг., перестроена в 1854 г., закрыта в 1932 г., сгорела в конце 1980-х гг.

Деревня Белая Горка когда-то была центральным селом Бельского погоста, одного из сельских округов Шелонской пятины древних Новгородских земель. Деревня находится

на дороге Луга – Волошово, в живописной местности со множеством небольших озер. Церковь располагалась на вершине пологой горы между озерами Белое и Сядьмеро. Последнее название имеет явно финно-угорское происхождение, подобно изначальному названию оз. Ильмень, которое до XVI в. именовалось Ильмерь. Церковная гора в старину называлась Белой Горой, в отличие от расположенного южнее сельца Белой Горки, название которого все еще присутствует на картах района. При этом в сельце уже в пореформенное время образовалась скромная помещичья усадьба, в начале XX в. принадлежавшая помещице Войвод.

Белая Горка. Церковь Св. вмч. Дмитрия Солунского Ми-

роточивого. 1972 г.

Примерно в 2–2,5 км от погоста проходила дорога к Чудскому озеру, ее называли литовской дорогой. По ней во время Ливонской войны «литовские люди» совершали опустошительные набеги в полужские земли. В сентябре 1700 г. по этой же дороге шли к Нарве войска Петра I, причем часть из них двигалась непосредственно через Белую Горку.

О древней церкви Бельского погоста свидетельствует Писцовая книга 1581–1582 гг., где говорится: «Погост Бельский, Царя и Великого Князя, на озере на Сядмере, а в нем церковь Дмитрий Солунский, да придел Николай Чудотворец, стоят без пения».

Вероятней всего, эта изначальная церковь была уничтожена литовцами вместе с другими близлежащими церквями.

В грамоте митрополита Новгорода и Великих Лук Димитрия от 17 мая 1760 г. говорится об имеющейся на погосте обветшавшей церкви «во имя Св. Великомученика Димитрия с двумя святыми Пророка Ильи и Николая Чудотворца приделами». Исходя из общей картины храмового строительства на территории района в XVI–XVII вв., можно считать, что упомянутая митрополитом церковь могла быть построена не ранее 70-х гг. XVII в.

Эта вторая церковь простояла до 1764 г., до момента освящения поставленного рядом с ней нового, третьего по счету, Димитриевского храма, имевшего также два придела с

прежними наименованиями – Ильинским и Никольским.

Ветхий храм разобрали, а его бревна сожгли у Сядьмерского озера, вблизи места, «где обыкновенно освящают воду».

В той же грамоте митрополита указывались не только размеры, каким должен отвечать новый храм, но и обращалось отдельное внимание, чтобы его строили «так, как правила святых отцов и церковные уставы повелевают», с соблюдением архитектурных пропорций.

Построенная в 1764 г. церковь была пятиглавой и простояла до 1851 г. В последующие три года с благословления митрополита Никанора храм был перестроен по проекту архитектора Василия Егоровича Моргана (ок. 1800 – после 1859), автора проектов значительного числа доходных домов в Петербурге, реконструкции ряда петербургских церквей, знатока древнерусского деревянного зодчества.

Перестройка храма была задумана в период, когда «стало модным переделывать народные постройки под столичные каменные образцы». Церковь стала состоять из двух одинаковых, квадратных в плане помещений: собственно храма и трапезной. С востока к ней примыкал прируб главного алтаря. Над западным входом размещалась колокольня. Стены получили обшивку тесом, окна оформили наличниками с фронтонным завершением, колокольню увенчали главой и шпилем.

Церковь впечатляла многоярусным построением силуэта

благодаря системе восьмигранных срубов, возвышающихся на четверике основания и поддерживающих массивную главку на низком глухом барабане.

Особенно интересно была решена колокольня. Площадка звона получила вид беседки-бельведера с декоративными тягами и филенками. Шатер колокольни плавно переходил к венчающей его почти миниатюрной главке.

Главный алтарь храма был освящен в 1854 г. благочинным, лужским протоиереем Андреем Ласкиным. Морган отказался от прежних боковых приделов, сделав новый теплый придел в пристройке под колокольней, который был освящен в 1852 г. во имя Св. князя Владимира.

Если не знать, что храм в Белой Горке получил свой новый вид в середине XIX в., его при первом знакомстве вполне можно было бы принять за архитектурный шедевр деревянного русского зодчества XVII в.

Церковь находилась в удовлетворительном состоянии до конца 1980-х гг., когда она была сожжена по чьей-то преступной шалости. Благо что сохранились ее архитектурные обмеры и описания, авторские чертежи, и есть надежда, что когда-нибудь славная своей историей Белая Горка и район в целом заново обретут этот удивительный храм.

Интересные сведения о самой церкви, жизни прихожан и церковного причта содержатся в «Ведомостях о состоянии церковей Лужского уезда» за 1901–1903 гг. О Бельском погосте здесь сказано, что Дмитриевская церковь отличалась

своей ухоженностью, обилием церковной утвари, хотя далеко не вся она годилась к употреблению. Были в церкви «редкие ризы на иконах: вырезанные из липы и вызолоченные, по виду совершенно как серебряные».

Приход храма считался многочисленным, включал 2039 лиц мужского и 2113 женского пола. Отмечалось «приличное» пение хора. Приходское попечительство расходовало в год до 300 руб. – частью на бедных, частью на церковь.

В приходе имелись три земские школы. Особенности успехи выказывали ученики Волошовской школы. Церковная библиотека включала разнообразные книги, в том числе по скотоводству, шелководству и т. д., но ими редко кто пользовался. В «Ведомостях» дается своеобразная характеристика местного священника – протоиерея Алексея Георгиевского, который, по мнению комиссии, почти не вел собеседований с прихожанами, редко говорил проповеди, зато был «слишком много занят хозяйством, которое в течение 48 лет жизни и службы в этом селе поставил широко и которое в силу привычки к нему сократить ему трудно... У него 6 лошадей, 10 коров, 20 овец. Дом у него свой старый, большой... В доме много мебели и картин, купленных главным образом у помещиков и по случаю. На стенах встречаются картины, не соответствующие ни возрасту, ни сану хозяина дома, какие повешены им совершенно бессознательно».

Думается, что члены комиссии, увидев размах хозяйственной деятельности протоиерея, отнеслись к нему

несколько предвзято. Они, конечно, не могли знать, что пройдет каких-нибудь 20–25 лет, и наличие у деревенского жителя, хоть у мужика, хоть у священника, крепкого хозяйства станет причиной страшных бедствий для его владельца и всей его семьи.

Белая Горка (то же) – часовня Св. пророка Илии, деревянная, сер. XIX в., не сохранилась.

Стояла в 250–300 м от Димитриевской церкви (см. предыдущий очерк), внутри часовни находились два средневековых каменных креста.

Белое Оредежской вол. – церковь Рождества Богородицы, деревянная, до 1500 г.; затем вместо нее – Воскресения Христова, деревянная, нач. XVIII в. (?), с заменой на каменную во имя Рождества Христова (1814–1815 гг.), перестроенную в 1893–1902 гг., не сохранилась.

Село Белое находится на Западном берегу оз. Белое, входило в границы исторического Бутковского Никольского погоста с центром в с. Бутково, с которым была связана прямой проезжей (ныне – полевой) дорогой. Церковь стояла на северной окраине деревни при дороге из с. Бутково, беспрепятственно воспринимаясь как от озера, так и со стороны дороги.

Церковь Рождества Богородицы Никольско-Бутовского погоста в с. Белом «над озером Белым» указана в «Перепис-

ной оброчной книге Вотской пятины» 1500 г. Ее дальнейшая судьба неизвестна, хотя о церкви в Белом, включая имена священников, упоминается в сведениях XVII–XVIII вв.

В документах конца XVIII в. говорится, что в селе находилась деревянная церковь Воскресения Христова. Храм был уже в ветхом состоянии, и вскоре его заменили на новый. «Каменный храм на месте старой деревянной церкви рядом с селцом на берегу озера построил в 1814–1815 гг. подполковник Ефим Васильевич Елагин на свои средства» (Н. В. Мурашова, Л. П. Мыслина). В сведениях о населенных местах Лужского уезда 1838 г. о с. Белом сказано, что принадлежало оно поручице княгине Елецкой и генерал-майорше Бегичевой, в селе имеется церковь каменная во имя Рождества Христова, а также питейный дом.

Об этой каменной церкви мы располагаем самыми скудными сведениями, относящимися к 1902 г. Она была двухпрестольной, «делилась на холодную и теплую... причем теплая церковь весьма тесна и грязна... Церковь обнесена кирпичной оградой, которая тоже, как и церковь, нуждается в ремонте...

В приходе, в селе есть второклассная церковно-приходская школа. Здание большое, светлое... Зав. школой с недавнего времени состоит священник Светлов, с академическим образованием, относится к школе с любовью, разводит сад и пасеку, устроил столярную мастерскую».

Здесь же говорится, что «в настоящее время церковь пере-

страивается в трехпрестольную. Перестройка... идет успешно». К этому можно добавить, что церковь перестраивалась по проекту, разработанному в 1893 г. инженер-поручиком А. Ивановым. Скорее всего, это был военный инженер Александр Петрович Иванов (1844–?), служивший в Морском техническом комитете.

Реконструкция церкви была завершена в 1905 г. Ее план получил строго симметричное построение. Церковь являла собой пятикупольный храм с использованием декоративных форм, ассоциирующихся с национальным русским стилем.

Разработка проекта и реконструкция храма были осуществлены по инициативе и на средства последнего владельца здешнего имения, штабс-капитана Александра Несторовича Чебыкина. Перестройка храма затянулась из-за пожара, происшедшего в 1901 г.

Храм был разрушен и снесен во время или в первые годы после войны.

Интерес представляют вышеназванные фамилии владельцев села – княгини Елецкой и генерал-майорши Бегичевой.

Княгиня относится к последним представителям рода древних удельных князей Елецких, пришедшего в упадок в связи с ликвидацией этого удельного княжества. Основоположник рода, елецкий удельный князь Федор Иванович, известен тем, что, откликнувшись на призыв Дмитрия Донского, привел на Куликово поле дружину, своей храбростью внесшую существенный вклад в победу русских войск над

полчищами Мамай. Впоследствии князь Федор погиб в татарском плену в Орде.

В конце XV в., с присоединением Новгорода к Москве, многие потомки бывших владельцев удельных княжеств получили поместья на новгородских землях. Среди них находим князей Елецких – помещиков Бутковского погоста.

Вторая владелица с. Белое – это, безусловно, жена генерал-майора Ивана Матвеевича Бегичева Екатерина Николаевна, которой принадлежали еще около 20 лужских деревень и с. Бутково. Замечательную характеристику дал ее супругу, участнику Отечественной войны 1812 г., прославленный поэт-партизан Денис Давыдов: «Умный, благородный и почтенный генерал И. М. Бегичев, бывший начальником артиллерии при взятии Праги (предместья Варшавы. – *Н. В. Мурашова*) в 1794 г. и называвший графа Аракчеева в эпоху его могущества графом Огорчеевым...». Очевидно, что подобные шутки над всесильным временщиком расценивались современниками как проявление определенного бесстрашия.

Дочь Е. Н. Бегичевой Павла Ивановна, в замужестве Дашкова, создала в с. Надбелье одну из наиболее представительных дворянских усадеб на территории современного Лужского р-на.

Бельский погост – см. Белая горка.

Берег Заклинской вол. – часовня неустановленного наименования, деревянная, 1-я пол. XIX в., не сохранилась.

Деревня Берег (в прошлом называвшаяся также Александров Берег) находится на автодороге Луга – Новгород, на берегу одной из проток русла р. Луги, входила в приход Дмитриевской церкви Городенского погоста, затем – с 1730-х гг. – Покровской церкви с. Вычелобок. Изображений и местоположение часовни не выявлено.

Безусловно, интересны факты, касающиеся владельческой принадлежности деревни в конце XVIII – начале XIX вв. Из них мы узнаем, что перед нами одно из малоизвестных мест, имеющих прямое отношение к родословным Пушкиных и Ганнибалов, то есть к родственным связям самого А. С. Пушкина.

В 1770-х гг. д. Берег принадлежала нескольким владельцам, и среди них – Елизавете Абрамовне Пушкиной. В газете «С.-Петербургские ведомости» от 26 апреля 1784 г. среди объявлений о купчих находим сообщение: «Порутчиком Афанасием Григорьевым и его сыном Карпом Боровскими куплено у помещицы Крестины Андреевой, дочери Пушкиной, жены дворянина Михаила Парфенова сына Гулидова недвижимое имение, доставшееся ей по смерти отца ея родного подполковника Андрея Павлова сына Пушкина и по разделу с женою его, а ея Крестины матерью, вдовою Елизаветою Абрамовой дочери Пушкиной же, состоящее в Лужском уезде в Дмитриевском Городенском погосте в дерев-

не Берегу, а именно подпоручиком Афанасием Григорьевым сыном Боровским».

Все вышеназванные лица представляют предмет интереса для пушкинистов. В частности, Елизавета Абрамовна Пушкина – это родившаяся в 1737 г. дочь Абрама Петровича Ганнибала, двоюродная бабушка поэта.

Супруг Елизаветы Абрамовны, подполковник Андрей Павлович Пушкин (1728–1768), принадлежал к старшей ветви рода Пушкиных, с которой родословная поэта имела общим лишь родоначальника всех Пушкиных – Григория Александровича по прозвищу Пушка, правнука знаменитого сподвижника Александра Невского – Гаврилы Олексича.

А. П. Пушкин, выпускник инженерной школы в Петербурге, в 1756 г. был назначен адъютантом к инженер-генералу А. П. Ганнибалу.

Он владел наследственным имением в с. Перечицы. Елизавета Абрамовна получила приданым от отца, кроме Берега, еще ряд лужских имений. В свою очередь, она выделила д. Берег в приданое своей дочери Кристине Андреевне (ок. 1760 – после 1812), вышедшей замуж за отставного поручика Михаила Парфеновича Гулидова (ок. 1750–1809). В 1783 г. за последней, кроме Берега, значились деревни Жельцы, Гверездна, Ящера и др.

Кто же купил у Кристины Андреевны имение в Берегу? Оказывается, свекор ее сестры Елизаветы Андреевны, вышедшей замуж за поручика Карпа Афанасьевича Боровско-

го. Возможно, сделка носила характер упорядочения наследного имущества сестер.

Боровские, Гулидовы – это потомки своеземцев, то есть тех, кто остался на своих землях при Иване III после присоединения Новгорода к Москве. Пушкины как помещики Водской пятины известны с начала XVI в.

Бередниково Волошовской вол. – часовня Свт. Николая Чудотворца, деревянная, 1-я пол. XIX в., не сохранилась, относилась к Димитровской церкви в с. Белая Горка.

Деревня Бередниково находится в 1 км к северо-западу от пос. Волошово. На картах первой половины XIX в. на этом месте показаны деревня под названием Агафоново и при ней часовня на дороге на повороте к д. Усадище.

Бередниково существует по меньшей мере с XVI в. В то время деревни здесь были небольшими, как правило, на 2–3 крестьянских двора. Деревни из 5 дворов считались чуть ли не многолюдными. В Писцовой книге за 1571 г. сказано, что царь пожаловал некоему Нецветаяу Копылову поместье из 11 деревень в Бельском погосте, в том числе по 3 двора в деревнях Бередниково и Валашово (Волошово), по одному – в деревнях Усадищи и Лядинки.

Бережок Ям-Тесовской – Успенский Тесовский монастырь с церквями: Успения Пресвятой Богородицы, деревянной, до 1500 г., возобновленной деревянной в 1637 г.,

каменной, 1784 г., закрытой в 1938 г., разобранной перед войной; Св. вмчц. Параскевы Пятницы, деревянной, до 1566 г., возобновленной в нач. XVIII в., не упоминающейся после 1745 г.

Деревня Бережок расположена у восточной оконечности Пристанского озера, ранее именуемого Тесовским, при слиянии рек Рыденки и Тесовой и соединяющем их ручье Дябло. На окруженном ими островке возник один из первых древнерусских монастырей на территории Лужского р-на – Успенский. Впервые он упомянут в 1500 г.

«В Тесове ж монастырь над озером над Тесовым близко погоста (Климентовского-Тесовского. – А. Н., О. Н.), а в нем церковь Успенья пречистая, а у церкви поет поп». Монастырь брал доход с д. Смушкино, в которой жил «один Сенка Фомин», и д. Офимковичи (обе не сохранились).

Во второй половине XVI в. монастырь значится как девичий. В 1566 г. здесь, кроме главного Успенского храма, названа еще одна церковь – Пятницкая. Монастырь не пережил шведского разорения, после смуты он отмечен как «Успенский пустой девичий монастырь». В 1637 г. на месте бывшего монастыря выстраивается новый Успенский храм, также деревянный.

Документы XVII в. соотносят Успенский храм с неким «городком» (небольшой крепостью), возникшим на месте или рядом с бывшим монастырем. В «Книге записей Софийской пошрины» 1676–1677 гг. упомянут «Успенский поп

Ермолай... из Тесова с Городка».

К сожалению, территория городка, где находился древний Успенский монастырь, основательно потревожена карьером. Здесь же находится братское захоронение советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

О прошлом этих мест имеется несколько устных преданий. В одном из них утверждается существование «здесь Пятницкого девичьего монастыря будто бы разоренного Литвой, на месте которого была построена позднейшая Успенская церковь». Согласно другой версии, эту церковь «поставили потому, что приплыла по течению икона. Тут остановилась, тут церковь ставить... Была церковь Успенья. Там был мужской Медведовский, или Медвежский, монастырь, Иван Грозный его разорил» (оба предания записаны А. Селиным в 1991–1993 гг.).

Напомним, что место загадочного «городка» у д. Бережок находится менее чем в 1 км от сохранившейся Климентовской церкви бывшего Тесовского погоста, что позволяет считать эти два древних поселения старой и новой частями того самого древнего городка Тесова, о котором говорится в летописных записях 1233 и 1241 гг.

В связи с этим вопросом следует напомнить, что в 1 км восточнее пос. Надбелье есть участок земли, который носит также название «Городок». Он находится на р. Оредеж, в месте впадения в нее р. Белая и Моровка. В 1930-е гг. наиболее высокая, квадратная в плане часть этой террито-

рии называлась «Высокий Городок». Ее почва была насыщена золой, «кузнечным нагаром», песком, битым кирпичом и т. п. По преданию, «здесь до литовских битв был монастырь, который Литва разорила... Когда Литва была недалеко от монастыря, то монахи всю церковную утварь сложили в бочки, закупорили и опустили в бездонный ключ, который сохранился и до сего времени... Глубина его очень велика: в 1914–1915 гг. находились люди, которые связывали несколько длинных жердей, пытаясь достать дно, но это никому не удавалось» (газета «Заря Коммуны» Оредежского РК ВКП(б) и РИКа от 26 ноября 1936 г.).

Бетково Каменской вол. – часовня во имя Святой Живоначальной Троицы, каменная, кон. XIX в., сохранилась.

Бетково – деревня на южном берегу Мерековского озера. В Писцовой книге 1500 г. именуется как Бятково, здесь было 7 дворов, разорена в ходе Ливонской войны и погрома Новгорода Иваном Грозным, в 1582 г. значится как пустошь. В конце XVIII в. числилась селом и принадлежала помещикам Паскочиным, имевшим здесь небольшую усадьбу с господским домом, парком и хозяйственными строениями. К 1838 г. село перешло к титулярному советнику И. Саблину, ставшему в дальнейшем лужским городничим. В начале XX в. усадьбой в Беткове владела Александра Павловна Оболенская.

Деревня входила в приход Троицкой церкви с. Верхутино.

Бетково. Часовня во имя Святой Живоначальной Троицы.
1987 г.

В самой деревне и поблизости от нее находятся древние курганы и жальничный могильник с овальными и прямоугольными оградками, сложенными из камней.

Часовня построена из красного кирпича, имеет кубовидный объем, увенчанный барабаном и главкой, украшена декоративной кладкой карнизов, оконных наличников и дверного проема. Последний решен в виде портала с арочным завершением.

Бетково. Часовня во имя Святой Живоначальной Троицы.
1987 г.

Некогда часовня занимала красное место села, свободный участок при разветвлении деревенской дороги. Ныне ее затеснили жилые и хозяйственные строения. Часовня прекрасно воспринимается в глубине деревенской улицы, а также с другого берега, со стороны д. Келлы.

По воспоминаниям старожилов, часовня в Беткове построена Алексеем Михайловичем Дурдиным, владельцем большой усадьбы, находившейся на краю деревни. От нее осталось только здание бывшей кузни.

Алексей Михайлович Дурдин интересен тем, что имел отношение к клану знаменитых петербургских пивоваров. Пивоваренный завод Товарищества Дурдиных выпускал популярные марки пива, включая «Дурдинское светлое» и «Дурдинское темное», а также «Английский портер» – «темное пиво с высоким содержанием алкоголя, в значительной степени составивший славу Товарищества». Петербургский историк Алла Краско, из книги которой взята данная цитата, составила таблицу родословной Дурдиных. Согласно ей, А. М. Дурдин был внуком основателя и первого председателя правления Товарищества Ивана Ивановича Дурдина. Его отец учился пивоваренному делу за границей, на него возлагались надежды как на продолжателя семейного дела, но этому помешала его смерть в 1879 г. в возрасте 30 лет, ко-

гда Михаилу Алексеевичу могло быть не более пяти лет. Известно, что свою петербургскую недвижимость он полностью или большей частью продал своему дяде, Ивану Ивановичу-младшему, ставшему во главе семейной фирмы.

Могила А. М. Дурдина сохранилась на Троицком кладбище возле д. Заплотье, где раньше была верхутинская Троицкая церковь, к приходу которой относилась д. Бетково. Надгробная надпись извещает, что умер Алексей Михайлович Дурдин 8 декабря 1908 г.

Боднево Скребловской вол. – часовня во имя Свв. мчч. Флора и Лавра, деревянная, сер. XIX в., не сохранилась.

Деревня Боднево находится на проселочной дороге Юго-стицы – Заорешье, к югу от Череменецкого оз., входила в приход вначале Петропавловской, позже Воскресенской церкви Петровского погоста.

В наши дни бесспорной примечательностью деревни являются дома, отличающиеся крупными размерами, объединенные с хозяйственными постройками в единый комплекс, обильно украшенные резьбой.

Болото Толмачевской вол. – церковь неустановленного наименования, проект 1908 г. Не реализован (?).

Деревня Болото (устаревш. – Болоты) находится в 3 км к северу от пос. Толмачево, на р. Ящере.

В первой половине XIX в. деревня принадлежала гене-

рал-майорше Бегичевой. При деревне были две помещичьи усадьбы: первая – губернского секретаря Ив. Торопогрицко-го, вторая – жены чиновника 7-го класса Вараксиной.

В 1885 г. с. Болоты совместно с пустошью Парлово, находящейся от Болот по другую сторону железной дороги, приобрел купец 1-й гильдии Александр Семенович Семенов. В 1887 г. на землях пустоши он основал силикатный завод с жилыми домами для владельца и администрации, рабочих, постройками для скота, заводскими и складскими корпусами, мельницей, прочими хозяйственными строениями. На заводе первоначально работали мастер и 4 рабочих. Этот усадебно-заводской комплекс А. С. Семенов назвал мызой «Табор» (ныне – д. Табор).

В начале XX в. владельцем имения в Болотах был некий дворянин Иосиф Матвеевич Котович.

Возможно, что идея строительства церкви при д. Болото принадлежала владельцу мызы «Табор» А. С. Семенову. Как нам представляется, дальше проекта дело не пошло.

Большие Березницы Приозерной вол. – церковь Свв. бессребреников Космы и Дамиана, каменная, 1892–1894 гг., закрыта в 1939 г., сохранилась в руинированном виде.

Деревня Большие Березницы находится в верховьях р. Рыденки. Храм относился к с. Малые Березницы, ныне нежилой местности к северо-востоку от Б. Березниц.

Названия деревень Малые и Большие Березницы произошли от двух одноименных деревень Тесовского погоста. В Писцовой книге 1500 г. указано, что одна из Березниц имела 4 двора, другая – один двор. В 1649 г. обе деревни значатся как пустошь Березница.

Большие Влешковичи — см. Влешковичи Большие и Малые.

Борщово Оредежской вол. – часовня неустановленного наименования, не сохранилась.

Деревня Борщово расположена на автодороге Оредеж – Ям-Тесово, в 4 км от пос. Оредеж. В 1500 г. она именовалась Борщово-Терехово, якобы от имени одного из перволадельцев деревни Терехи Борща. Однако никаких документов с упоминанием этого лица не известно. До включения деревни со всей волостью в великокняжеской оброк в ней было 2 двора и она принадлежала новгородскому боярину Василию Есипову. На 1582 г. записана в числе «живущих» и отнесена к дворцовым деревням (по А. Лаврову).

В 1838 г. в д. Борщово, входившей в приход Покровской церкви в с. Бутково, проживало 26 человек обоих полов. На период отмены крепостного права в деревне было 8 крестьянских дворов и 56 жителей.

Каких-либо данных по часовне, кроме ее здешнего местонахождения, не выявлено.

Достопримечательностью д. Борщово являются ее пещеры, остатки былых каменоломен. Они находятся на берегу Антонова оз., образованного расширением русла р. Ордеж. Когда-то здесь добывали белый кварцевый песок для производства стеклянных изделий. Разветвления подземных выработок из-за многочисленных обвалов превратились в некую систему залов, галерей и связующих их ходов. Особенно впечатляет 12-столбовая галерея с ее готической формы арками. Есть залы, восхищающие своей природной красотой, чередованием слоев песчаника белого, оранжевого, желтого, ярко-бордового цветов. Если ранее длина подземных ходов составляла 15 км, то на сегодняшний день сохранилась лишь их незначительная часть. Хотелось бы, чтобы к их спасению был применен опыт сохранения и использования саблинских пещер Тосненского р-на.

Брея Толмачевской вол. – часовня во имя Свв. мчч. Флора и Лавра, деревянная, не позже 1-й пол. XIX в., не сохранилась.

Деревня Брея находится на дороге Луга – Осьмино, на р. Саба, входила в приход Знаменской церкви в с. Красные горы.

Брея – яркий пример того, как многовековая история десятков лужских (да только ли лужских?!) деревень исчезает практически бесследно. Тем самым умаляется значение исторической памяти, без которой любой народ попадает в по-

ложение мифологического героя Антея, оторванного от матери-земли и тем лишившегося своей титанической мощи.

В России, которая за истекшее столетие дважды коренным образом переиначивала свою жизнь, как нигде назрела необходимость создания энциклопедии населенных мест как основы отечественного самосознания. Каждый регион участвовал бы в ней своим томом, с включением сюда максимально полной численности сельских поселений. Такое крупномасштабное предприятие сплотило бы национальные силы по многим отраслям знаний: истории, экономики, социологии, филологии и пр., определило бы фундаментальную краеведческую, вернее, родиноведческую базу. В результате работы над составлением такого тома по Ленинградской области Брея и подобные ей деревни перестанут быть белыми пятнами нашей памяти.

Брод Скребловской вол. – часовня во имя Свв. мчч. Флора и Лавра, 1-я пол. XIX в., не сохранилась.

Деревня Брод расположена на восточном берегу протоки, разделяющей оз. Врево на верхнюю и нижнюю части. Одно из исторических названий деревни – Жилой Брод, в отличие от расположенной почти напротив нее на другом берегу озера деревни Пустой (ныне – Новый) Брод.

Деревня Брод (Жилой Брод) входила в приход Петропавловской, затем Воскресенской церкви Петровского погоста. Главной примечательностью окрестного ландшафта являет-

ся соединяющая озерные берега дамба с проложенной по ней автодорогой. С нее открываются красивые виды озера, которое в этом месте делится на Верхнее и Нижнее Врево.

Бутковичи Скребловской вол. – часовня во имя Свв. мчч. Флора и Лавра, деревянная, XIX в., не сохранилась.

Бутковичи – деревня на восточном берегу оз. Врево. О ее древности говорила ныне утраченная курганный группа, где насчитывалось 210 насыпей. Деревня входила в приход Петропавловской, затем Воскресенской церкви Петровского погоста.

Бутково Ям-Тесовской вол. – церкви: во имя Свт. Николая Чудотворца, деревянная, до 1500 г., сгорела в 1582 г., возобновлена, существовала до 1646 г. (по А. Селину); во имя Покрова Пресвятой Богородицы, деревянная, перенесенная из селца Новоселье (окрестности Буткова), разобрана после 1773 г., деревянная, 1883 г., с приделом Свт. Николая Чудотворца, разобрана в 1911 г., каменная, 1905 г., закрыта в 1939 г., не сохранилась.

Деревня Бутково расположена на левом берегу р. Оредеж, при ее впадении в оз. Антоново.

По Писцовой книге 1500 г. погост Бутково назывался Никольским Бутковским. На нем была церковь Св. Николая. «При церкви стояли: поп, дьячок, сторожа...». Этот деревянный храм сгорел в 1582 г. и после возобновления про-

стоял до середины XVII в. Взамен него на погост из соседнего с Бутковым с. Новоселья (не существует с XVII в.) была доставлена деревянная Покровская церковь с приделом во имя Свт. Николая Чудотворца. В 1770 г. она была признана ветхой, возникла необходимость строительства в Буткове нового храма. Его построили в 1773 г. Он был деревянным, во имя Покрова Божией Матери с приделом Свт. Николая. Храм строили усилиями прихожан при содействии местных помещиков.

К тому времени село Бутково принадлежало Петру Васильевичу Бакунину-Меньшому (1734–1786), тайному советнику, дипломату, составителю многих межгосударственных договоров. Завзятый театрал, он ставил в своем петербургском доме любительские спектакли по пьесам Д. И. Фонвизина и Я. Б. Княжнина, оказывал поддержку актерам и литераторам. В Буткове у него была усадьба с деревянным особняком.

Бутково. Покровские церкви (деревянная и каменная).
1910 г.

Помещица соседнего с. Надбелье – Наталья Михайловна Вындомская (урожд. Скобелыцына; 1753–?), муж которой, Н. А. Вындомский, происходил из московских перевенцев, пожалованных Иваном III поместьями в отошедших к Москве новгородских землях. Вындомская пожертвовала

для новой церкви в Буткове «семь четвертей с осьминою земли». Вскоре она становится владелицей Бутковского имения, затем перешедшего к ее дочери Е. Н. Бегичевой. Считается, что именно Н. М. Вындомская выступила и главной заказчицей Бутковской церкви.

Петр Васильевич Бакунин-Меньшой

За более чем вековой период бутковская церковь основа-

тельно обветшала. В описании начала 1900-х гг. о ней говорится: «...церковь деревянная, двухпрестольная, ветхая, очень плохая снаружи и внутри... иконы в иконостасе даже нельзя и разобрать... Церковь с закрытым кладбищем обнесена оградой. На этом кладбище погребают только за плату, а для всех прихожан есть другое кладбище. Прихожане к храму усердны и религиозны. Есть пожертвования, но жертвуют гл. образом прихожане, проживающие в Петербурге и служащие на стеклянном заводе (в Торковичах. – А. Н., О. Н.) ... Школ в приходе 2: Бутковская земская и Торковская на стекольном заводе. Священник на паству, видимо, влияет в добром направлении и довольно сильно... Причт живет богато, дома свои».

Первый проект новой церкви в Буткове, которая должна была заменить храм, построенный в 1773 г., составил в 1871–1872 гг. Александр Семенович Эрбер (1828–?), выпускник Академии художеств по классу живописи, имевший право производства строительных работ. Заказчиком проекта стал Павел Яковлевич Дашков (1849–1910), внук вышеназванной Е. Н. Бегичевой. Личность П. Я. Дашкова заслуживает отдельного очерка. Особую известность он получил как библиофил, обладатель уникальной коллекции гравюр петровского времени, других исторических материалов. Дашковы построили в Риге четыре парохода, курсировавшие по Ордежу и Луге до Финского залива.

По каким-то причинам проект Эрбера осуществлен не был, и в 1894 г. другой зодчий, только что назначенный епархиальным архитектором Николай Никитич Никонов (1849–1918), разработал новый проект каменной Покровской церкви в с. Бутково. Построенную по заказу и на средства все того же П. Я. Дашкова, ее освятили 5 сентября 1905 г. «При освящении храма присутствовали епископ Гдовский Кирилл, епископ Ямбургский Сергей».

Храм был построен из кирпича, на фундаменте с цоколем из камней грубой околки. Над храмом возвышалось семь глав: одна на куполе и четыре по углам его основания, еще одна глава на колокольне и малая главка – над алтарем.

Н. Н. Никонов известен как мастер архитектуры «русского стиля». Его постройки напоминали древнерусские каменные храмы XVII в., в частности московско-ярославской школы. Архитектурная выразительность бутковской церкви усиливалась окраской наружных стен в светло-охристый тон с использованием вставок красного, черного и белого цветов.

Изображения четырех евангелистов под сводом купола церкви в Буткове были выполнены дьяконом Александром Порожецким.

В число лиц, жертвовавших храму иконы, церковную утварь входили жители из самого Буткова, деревень Пантелеевичи, Ерышево, Великое Село и мастеров Торковическо-

го стекольного завода.

Заместитель директора областного архива И. Лозинская так сообщает о дальнейшей судьбе церкви. В 1927 г. она была отнесена к вновь образованному Ордежскому р-ну Ленинградской области. В следующем году РАО (районный административный отдел) передал церковной двадцатке здание Покровской церкви в с. Бутково и предметы культа на бесплатной основе с вменением в обязанность «беречь народное достояние».

В 1929 г. вышло постановление советского правительства (ВЦИК и СНК), согласно которому двадцатки должны были быть ликвидированы. Регистрация новых религиозных объединений должна была производиться на основе заявлений, поданных не позднее семи дней после предварительного объявления о намерении их организации. 6 января 1930 г., в связи с отсутствием «организации нового религиозного общества в срок», райисполкомом возбуждено ходатайство о закрытии храма в с. Бутково. Этому предшествовало обращение группы рабочих стекольного завода «Торковичи»: «...считаем необходимым закрыть Бутковскую церковь – очаг религиозного дурмана. Помещение приспособить под культурно-просветительское учреждение (школу, больницу, клуб), а колокола направить в г. Ленинград для изготовления из них сельскохозяйственных машин, которые передать колхозу на территории прихода» (ну чем не цитата из платоновского «Котлована»?).

Несмотря на то что 1 мая 1930 г. заявление граждан (26 чел.) с просьбой зарегистрировать Бутковскую общину был подано в соответствующую инстанцию, 27 сентября того же года председателю Бутковского сельсовета предложили «изъять 5000 кирпичей из подвального помещения церкви, предоставив его колхозу, а остальной кирпич взять под охрану».

Покровская церковь в с. Бутково разделила судьбу почти всех православных храмов, стоявших вдоль берегов р. Оредеж на территории района: из 8 храмов сохранился и действует лишь один – в с. Щупоголово. Создававшиеся веками уникальные архитектурно-природные ландшафты нижнего Оредежа оказались обезглавленным в прямом смысле слова.

Бутково (то же) – часовня, неустановленного наименования, деревянная, арх. В. Плиш, проект 1868 г., не сохранилась.

Кладбищенская часовня в д. Бутково «предполагалась к постройке иждивением жены действ. стат. советника П. Я. Дашкова». Проект деревянной часовни выполнил отставной майор, старший землемер Министерства государственных имуществ В. Плиш. Согласно проекту, часовня должна была быть протяженной в плане прямоугольной срубной постройкой с крестовой крышей, увенчанной главкой на высоком двухъярусном основании. Верхний ярус ре-

шен в виде расширяющегося кверху восьмигранника. Бок-
овые фасады часовни должны были иметь по одному ок-
ну. Объем часовни удлиняло примыкающее к нему с запада
крыльцо, перекрытое двускатной кровлей, поддерживаемой
двумя резными столбами. Выразительная силуэтная компо-
зиция часовни противопоставлена протяженности ее сруб-
ной части. Реализация этого проекта нуждается в уточнении.

*Вагошка Рельской вол. – часовня неустановленного на-
именования, деревянная, 2-я пол. XIX в., сохранилась в
аварийном состоянии.*

Деревня Вагошка находится на северном берегу оз. Спас-
Которское, при впадении в него речки Прудовки. Часовня
расположена в центре деревни, в окружении ельника. Невы-
сокий квадратный сруб часовни покрыт на четыре ската, с
фронтоном на западном фасаде. Безусловный художествен-
ный интерес представляет декор иконостаса. К сожалению,
его иконы практически утрачены. Часовня относилась к Вос-
кресенской церкви в с. Самро.

Ведрово, имение – см. «Жемчужина».

*Великое Село Оредежской вол. – церковь Казанской
иконы Божией Матери и Вмц. Варвары, деревянная, нач.
1760-х гг., перестроена в 1937 г. под школу, не сохрани-
лась.*

Деревня Великое Село (историческое название с. Великое) находится в 3 км южнее пос. Оредеж, вблизи Витебской железной дороги, в верховьях р. Вейны. Название этой речки представляет особый интерес, так как, по всей вероятности, дано неславянской народностью, может быть водью, по местности, занятой русским (славянским) населением; вспомним: *venalainen* (*vena*) – русский в финском языке.

Если это так, то рискнем предположить, что историческое с. Великое являлось одним из центров славянского заселения Полужья. Волость, куда входили и это село, и не существующая уже к XIX в. д. Вейно, была пожалована Иваном III князьям Семену и Ивану Ивановичам Елецким.

Уже говорилось, что для Полужья XV в. селение в 5 дворов считалось большим. В Писцовой книге Вотской пятины 1500 г. говорится: «Великого князя волостка... за князем за Петром, за княж Ивановым сыном Елетцкого в поместье... Сельцо Великое... 12 дворов, 15 человек...». В местных масштабах село с 12 дворами вполне заслуживало названия Великое.

Во второй половине XVIII в. при селе имелись три деревянных помещичьих усадебных дома. В одном из них, принадлежавшем генералу Игнатьеву (впоследствии первому из предводителей дворянства Лужского уезда), в начале 1760-х гг. устраивается домовая церковь. Церковь была двухэтажная, «освященная внизу во имя Казанской иконы Божией Матери, вверху – во имя Вмц. Варвары». На 1850-е гг. зна-

чилось: «Домовая церковь в доме Ольги Федоровны Игнатьевой, двухэтажная».

Великое Село. Церковь во имя Казанской иконы Божией Матери и вмц. Варвары. 1927 г.

О дальнейшей судьбе этой церкви сообщается в прошении на имя императора учительницы Хлупинской церковно-приходской школы Ольги Александровны Бухгольц, правнучки генерала Игнатьева, жительствовавшей в Великом Селе Лужского уезда Бутковской волости. Прошение датировано 1912 г. К тому времени на месте генеральской усадь-

бы образовался небольшой хуторок, принадлежавший проживающим в нем с 1870-х гг. О. А. Бухгольц и ее сестре. В прошении Бухгольц сообщала: «При хуторке есть церковь Казанской Божией Матери, построенная около 150 лет тому назад моим прадедом генералом Игнатьевым». Далее говорится, что церковь пришла в ветхость, но средств на ремонт сестры не имеют и просят государя отпустить на ремонт церкви 1000 рублей. Церковь считалась домовою, приписной к Покровской церкви в с. Бутково, свечной сбор ей не полагался, у местных крестьян средств на ее ремонт также не было «ввиду недавнего пожара».

К прошению добавлено отношение митрополита С.-Петербургского и Ладожского, где сказано, что церковь в Великом Селе «не только древняя, но и в ближайшее время будет крайне нужной, т. к. расширяется число близлежащего населения».

В своем прошении О. А. Бухгольц хлопочет и о строительстве специального школьного здания для с. Хлупино, так как «здесь для школы нанимается очень неудобное помещение».

Испрашиваемая сумма на ремонт церкви была выделена. Вид церкви после ремонта представлен на фотографии, сделанной в 1927 г. архитектором-реставратором Е. Н. Глезер. Церковное здание не лишено художественных достоинств. Двухэтажный обшитый тесом сруб перекрыт четырехскатной с полисами кровлей. Восточную часть венчают две расположенные в разных уровнях главки. К западному фасаду

примыкает трехъярусная колокольня с шатровым верхом.

В 1930-х гг. здание церкви приспособили под школу.

Великое Село (то же) – церковь во имя Воскресения Христова, деревянная, кон. XVII – нач. XVIII вв., сгорела в 1820 г., заменена часовней, 1840-е гг. (?), не сохранилась.

Деревянная Воскресенская церковь в с. Великом была построена числившимися среди владельцев села князьями Елецкими предположительно к началу XVIII в. Сгорела в 1820 г. от удара молнии, более не возобновлялась. Тем не менее на 1838 г. она продолжала числиться в действующих. Господские дома принадлежали: 1) поручице княгине Елецкой; 2) действительному статскому советнику Игнатьеву; 3) девице, дочери чиновника 6-го класса Д. Сент-Николы.

На месте сгоревшей церкви княгиня Елецкая поставила часовню, при которой были погребены некоторые члены рода Елецких.

В 1862 г. в с. Великом было 18 дворов и 121 житель.

Великое Село Скребловской вол. – часовня во имя Свт. Николая Чудотворца, деревянная, нач. XIX в., не сохранилась.

Деревня расположена на дороге Югостицы – Невежицы, входила в приход Покровской церкви с. Югостицы. В деревне праздновали день Свт. Николая (6 (19) декабря) и Преображения Господня (6 (19) августа)). В сведениях 1894 г.

сообщается: «В приходе, не доезжая „Великого села“, есть старое кладбище, покрытое еловым редким лесом. Дальше указывают следы другого, еще более старого кладбища. Тут есть старая часовня, в которую 6 августа бывает Крестный ход из часовни, находящейся в деревне. Когда Крестный ход возвращается назад, то один из крестьян бросает несколько семян ржи...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.